

Матяш С.А.

Оренбургский государственный университет
E-mail: kklslb@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИЙ В «КНИГЕ ПРО БОЙЦА» А. ТВАРДОВСКОГО «ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»

В числе традиций, на которые опирался А. Твардовский при создании «Книги про бойца» (поэмы) «Василий Теркин», твардовсковеды справедливо называют народно-поэтическую (фольклорную) и литературную традиции. При исследовании этих традиций ученые описывали и особенности стихосложения поэмы – метрическую форму, рифму, строфику, звукопись. Автор статьи обосновывает необходимость исследования соотношения обозначенных традиций и предлагает с этой целью изучить стихотворные переносы (enjambements) поэмы, которые до сих пор не привлекали внимания исследователей.

Русский фольклор не знает переносов, поэтому их активное функционирование в «Книге про бойца» является показателем ощутимого влияния литературной традиции. Анализ частотности и структуры переносов по нескольким параметрам, спроецированный на ранее полученные аналогичные данные по переносам русской поэмы XIX–XX вв., позволяет увидеть ориентацию Твардовского на стихотворный эпос пушкинской и послепушкинской эпохи. Проведенный анализ лексического наполнения структуры переносов, выполненный с учетом стилистических помет в словарных статьях, выявил один из механизмов связи литературной и фольклорной традиций.

Ключевые слова: Твардовский А.Т., «Василий Теркин», народно-поэтическая традиция, традиция русской классической поэзии, стихосложение, стихотворный перенос, enjambement, лексика.

«Василий Теркин. Книга про бойца» (1941–1945) А.Твардовского, по всеобщему признанию, поистине великое произведение о Великой Отечественной войне, неизменно вызывает не только читательский, но и исследовательский интерес. Пророческими оказались слова известного ученого П.С. Выходцева, сказанные свыше полувека назад: «Только длительные усилия, и не одного исследователя, могут дать исчерпывающий анализ поэмы» [1:98]. В числе проблем, поставленных еще во второй половине 40-х годов прошлого столетия (практически сразу после окончания публикаций последних глав поэмы) и остающихся актуальными до настоящего времени, была проблема традиций, к которым восходит «Книга про бойца». Сразу обозначенные две традиции – народно-поэтическая и литературно-книжная¹ – сегодня приняты большинством твардовсковедов, что засвидетельствовано в научной и учебной литературе². При разработке вопроса о первой из означенных традиций привлекались материалы творческой истории поэмы, письма читателей, анализировалось

использование Твардовским народных жанров (сказки, частушки, песни и др.), а также народные речения, выбранные поэтом «из фольклористических изданий или подслушанные <...> в устном бытовании» [6:149]. При разработке вопроса о второй из означенных традиций назывались самые авторитетные, по признанию самого Твардовского, имена – А.Пушкина и Н.Некрасова – и анализировались в типологическом плане принципы отражения народной жизни, принципы типизации, особенности образной системы сопоставляемых поэтов. В кругу литературных авторитетов поэта, безусловно, находится и М.Исаковский³. Его влияние на Твардовского рассматривалось в связи с песенной традицией, выделенной исследователями в качестве автономной составляющей народно-поэтической традиции.

Изучение двух вышеназванных традиций, начатое одновременно, до сих пор шло параллельно, вопрос об их соотношении практически не ставился, исследователи удовлетворены тезисом: «Поэмы Твардовского вобрали в себя все лучшее от поэзии классической и на-

¹ Исследование «Василия Теркина» с точки зрения народно-поэтических традиций начато в 1946 г. в связи с изучением традиций Некрасова в поэзии Твардовского (см.: [1:68–70]).

² См., например, работы П.С.Выходцева [1:140–141]; [2:5–42], П.В.Куприяновского и П.Е.Шамеса [3:174–180], П.Ф.Рошина [4:47–121], А.И.Кондратовича [5:134–191], В.М.Сидельникова [6:147–160], А.В.Македонова [7:207–235], А.Л.Гришунина [8:106–112] и др.

³ Обобщение суждений мемуаристов о литературных учителях Твардовского в работе [9:13]

родной» [6:148]. Тезис, несомненно, верный, но, на наш взгляд, в данном случае излишне обобщенный. Полагаем, что следует попытаться выявить механизмы объединения двух традиций в творческой практике Твардовского. Одним из таких механизмов, по нашему мнению, могут стать стихотворные переносы (*enjambements* – далее **enj**) поэта.

В связи с решением проблемы традиций, а также независимо от них, исследователи рассмотрели многие вопросы поэтики «Книги про бойца», в том числе и вопросы стихосложения. Из стиховых формантов уделялось внимание прежде всего метрической форме – 4-стопному хорею, имеющему в русской поэзии «жанрово-экспрессивный ореол» (В.В.Виноградов) народного стиха, а также рифме, строфике, звукописи. Переносы Твардовского, насколько нам известно, не попадали в поле зрения исследователей. Исключение составляет статья Ю.Буртина «Из наблюдений над стихом А. Твардовского» [10], в которой автор удачно интерпретирует несколько переносов из поэмы Твардовского «За далью – даль» (1950–1960) и подчеркивает, что «как раз в этом произведении поэт в п е р в ы е (разрядка моя – С.М.) стал охотно пользоваться переносами». «Если в предыдущих вещах, – продолжает автор, – они появлялись лишь изредка, то здесь встречаются почти в каждой главе и оказывают заметное влияние на общий ритмический колорит книги» [10:195]. Мы вполне согласны с мнением Ю. Буртина, что переносы «оказывают заметное влияние на общий ритмический колорит» произведения, но утверждение исследователя, что до поэмы «За далью – даль» переносы появлялись лишь изредка (!) требует решительного пересмотра. В этом нас убеждает обращение к тексту «Книги про бойца» «Василий Теркин».

В «Книге про бойца», в которой насчитывается 5346 строк⁴, мы (по нашей методике)⁵

выявили 220 стихотворных переносов, что составляет 4,1 %. В поэме нет ни одной главы, где бы переносы полностью отсутствовали, и есть фрагменты, где **enj** следуют один за другим, образуя своеобразный каскад:

Полк. Дивизия. А хочешь –
Фронт. Россия! Наконец,
Я скажу тебе *короче*
И понятней: ты – боец.⁶ («Бой в болоте»)

Перед тем, как приступить к интерпретации указанной частотности и анализу структуры выявленных переносов, отметим важный для нас момент. Как показали исследования стиховедов, фольклорный стих не знает переносов⁷. Следовательно, факт наличия переносов в «Книге про бойца» свидетельствует о значении для поэта литературной традиции. В контексте этой традиции мы прежде всего и будем рассматривать выявленные 220 переносов «Василия Теркина».

Показатель общей частотности **enj** «Книги про бойца» делает ее сопоставимой в данном аспекте с произведениями русского стихотворного эпоса пушкинской и послепушкинской эпохи (включая многие поэмы Лермонтова и Некрасова), где переносы были в пределах 2–6%⁸. У самого Твардовского в 4-стопномбическом поэме «За далью – даль» переносы, по нашим данным, занимают 4,1% строк.

С традицией переносного стиля русской поэзии связано и неравномерное распределение переносов по главам поэмы. Из 30 ее глав только в одной («Теркин пишет») частотность **enj** соответствует среднестатистической. В 15 главах – показатели выше среднестатистических. Среди них – «О герое» с самой высокой частотностью **enj** 9,2%, а также главы «Генерал» (6,8), «В наступлении» (6,3), «Отдых Теркина» (5,5), «Бой в болоте»(4,8), «Два солдата» (4,7). В

⁴ При подсчетах учитывалась стихотворная строка, заканчивающаяся рифмой; подстроicia объединялись в одну строку.

⁵ Методика изложена в работе [11:191–192].

⁶ Твардовский А.Т. Собрание сочинений в четырех томах. Т.2. – М., 1959. – С. 290. Далее текст цитируется по этому изданию [12] с указанием (в случае необходимости) страниц в тексте. При переносе оставленные или перенесенные слова подчеркиваются, курсивом маркируются слова, с которыми у оставленных или перенесенных слов образуется синтаксическая связь.

⁷ Еще в 1921 году В.М.Жирмунский, основываясь на исследованиях по немецкому и английскому стиху, уверенно выдвинул тезис: «Исторически первоначальная, песенная лирика переноса не знает» [13:440]. Исследование фольклорного русского стиха привело Л.И.Тимофеева к выводу, что в народном стихе <...> полное отсутствие переноса» [14:345]. См. также об этом: [15:118–120], [16:5–6].

⁸ О частотности и структуре переносов 4-стопномбических поэмах XIX–XXвв. см. в нашей работе [17:179–180].

оставшихся 14 главах показатели ниже среднестатистических. Среди них – «Переправа» с самой низкой частотностью **enj** 1,3 %, а также главы «Гармонь» (1,7), «По дороге на Берлин» (2,2), «Дед и баба», «На Днепре» (по 2,8 %) и др.

На естественно возникающий вопрос о том, чем объясняется показанный разброс данных, ответить не так просто. Предположение о том, что более высокий показатель частотности **enj** имеют главы, насыщенные событиями и населенные персонажами (помимо Теркина) по сравнению с главами, имеющими высказывания от лица автора, не оправдались⁹. Не подтвердилось и предположение об определенном векторе изменения частотности (скажем, от малопереносного начала к отчетливому увеличению переносов или наоборот и т. п.). Но, тем не менее, анализ частотности **enj** с дифференциацией по главам позволяет выявить если не строгие закономерности, то относительно устойчивые тенденции в функционировании переносов в «Книге про бойца», увязать их частотность с актуализацией других формантов в поэме. По нашим наблюдениям, отсутствие **enj** обнаруживается в тех главах, где нет диалогов¹⁰ и/или сказовой монологической речи заглавного героя; увеличена доля графически выделенных 4-стиший, функционирующих на фоне 5-ти и 6-ти-стиший с рассеянным мононимом (типа ААБААБ); часты поэтизмы («С первых дней години горькой...» – с.368); появляются разного вида повторы: а) внутри строки («Ждут рассвета, ждут подмоги» – с.217), б) анафорические («Сразу – будто не они, / Сразу будто не похожи» – с.215), в) в виде спирали («Дремлет, скорчившись, пехота, / Сунув руки в рукава. // Дремлет, скорчившись, пехота...» – с.217), г) в виде рефрена («Бой идет святой и правый. / Смертный бой не ради славы, / Ради жизни на земле» – с.221; меняется синтаксис: увеличивается число вопросительных и восклицательных конструкций («Веселей кружитесь, дамы! / На носки не наступать!» – с.242; «Смерть в бою

свистела часто / И минет ли в этот раз?» – с.215). Соответственно, в тех главах, где **enj** имеют величину больше средней, отмеченные тенденции проявляются со знаком минус (т.е. с точностью до наоборот). В этом легко убедиться, сравнив в аспекте появления переносов тексты глав «По дороге на Берлин» и «Генерал». К характеристике контекста функционирования **enj** в «Книге про бойца» мы будем возвращаться при анализе структуры переносов.

Структура переносов «Василия Теркина» описывалась, как и в предыдущих наших работах, по пяти параметрам: типы переносов; клаузулы в верхней строке; словоразделы в нижней строке; контактные и дистантные связи; набор и частотность синтаксических связей.

Типы переносов. Среди 220 переносов «Василия Теркина» все три типа, традиционно выделяемые в стиховедении: **rejet – r** («Не такой со мной *однажды* / Случай был. И то молчу»), **contre-rejet – c-r** («Что ж, понятно, холостому / Много *лучше* на войне <...>»), **double-rejet – d-r** («Но поверь, что я нарочно / Не женился. Я, брат, знал!» – все примеры из главы «О потере»). Соотношение этих типов равно – соответственно – 28,6 : 57,8 : 13,6. Приведенные цифры показывают, что среди **enj** поэмы решительно преобладает **c-r**, что определяет следование традиции переносного стиля поэм Пушкина, в которых **c-r** был господствующим¹¹. Особенностью стиха «Книги про бойца» в данном аспекте является относительно высокий показатель **r**. Считаем, что в этом просматриваются следы другого (полярного) переносного стиля, восходящего к «Шильонскому узнику» В.Жуковского¹² и воспринятого Твардовским, возможно, непосредственно, но скорее всего через поэзию Н. Некрасова, который, по данным Г.А. Бокушевой [15:111–112] активно разрабатывал тип **r**.

В «Книге про бойца» в ряде случаев **enj** поэмы всех типов маркируются графикой: пе-

⁹ Так, среди пяти глав, посвященных автору («О себе» и четыре главы с одинаковым названием «От автора» в разных частях поэмы), есть главы с высокой частотностью («От автора – «Сто страниц минуло в книжке...» – 7,5 %) и есть главы с низкой частотностью («От автора – «Светит месяц, ночь ясна...» – 1,6 %).

¹⁰ Исключение составляет глава «Гармонь», построенная на диалогах и темне менее имеющая частотность ниже среднестатистической.

¹¹ В поэмах Пушкина переносы **c-r** были в пределах 50–70 %; только в «Полтаве» и «Медном всаднике» они составляли меньше 50 %, но продолжали лидировать.

¹² О двух переносных стилях в русских поэмах см. в [17:178].

ренесенная или оставленная часть фразы падает в «лесенку»:

Жили, «Теркина» читали
На досуге.
 Вдруг приказ <...>
 Там посмотрим.
А покамест
Далеко до той поры. (В наступлении)

Или (значительно реже) – «столбик»:

На три шага *вперед*
Подгонять:
 – Иди, иди ... (Поединок)

Это – несомненная новация Твардовского.

Клаузулы верхней строки. **enj** «Василия Теркина» клаузулы дактилические (Д) встречаются только дважды¹³. Во всех остальных **enj** клаузулы мужские – М («А убьешь, так и потом / На тебя, как клещ, повисну <...>») и женские – Ж («Кровь – сосульками. Однако / В самый жар вступает драка.») – оба примера из главы «Поединок». Соотношение М : Ж : Д равно 18,2 : 80,9 : 0,9. В данном аспекте структура **enj** «Василия Теркина» резко отличается от **enj** русской классической поэмы, в которой с небольшими колебаниями было примерное равновесие М и Ж. Постепенно маркировка переносов М сокращалась (особенно под влиянием белого драматического стиха), но столь резкое падение М в **enj** поэмы мы констатируем впервые.

Словоразделы нижней строки. В типах переносов **r**, **d-r** словоразделы нижней строки чаще (55,9 %) мужские – **m** («Вот *тогда*, как говорится, / Отдохнем. <...>), реже (40,9 %) – женские – **ж** («<...> Тот, в котором жизнь *проводись*, / Не снимаю, – так хорош!») – оба примера из главы «Отдых Теркина»). Дактилических словоразделов (д) во всей поэме три.

В структуре **enj** русских классических поэм перенесенная часть фразы (в типах **r** и **d-r**), оформлялась, как правило, **m** и **ж**. Их показатели давали достаточно большой разброс данных, которые трактовались как проявление

индивидуальных предпочтений [17:175–176]. Дактилические словоразделы были поначалу единичными, как например, единственный д в пушкинском «Руслане» с ярким изобразительным эффектом: «Хотел бежать, но в бороде / Запутался <...>». В поэмах Лермонтова число д увеличилось до 6, у Ап. Григорьева – до 10, а у поэтов XX в. д стали частотными. Твардовский, как видим, отнесся к этим новациям сдержанно. Скорее всего в данном случае он опять-таки идет за Пушкиным и по по-пушкински делает редкий прием предельно изобразительно-выразительным. В главе «Отдых Теркина» в двух тирадах героя повторяются слова «Только, знаете, *война-то* / Не закончена, друзья». Анапестическое начало нижней строки (на фоне ударного начала верхней) и д расслабляют строку, создают эффект длительности и напряженности.

Контактные и дистантные связи.

Синтаксические связи с точки зрения словного интервала между словами, разорванными концом строки при **enj**, могут иметь нулевой интервал, т. е. быть контактными – **к** («<...> что знал: отныне / Плакать некому о нем») или иметь интервал, как правило, в одно-два слова, т. е. быть дистантными – **д** («Обратился на привале / К командиру: так и так ,...> – примеры из главы «Про солдата-сироту»). Соотношение **к:д** равно 64,1 : 35,9. Смысл этих цифр показывает контекст. В русских поэмах поначалу было примерное равновесие этих связей. Пушкин в **enj** активно практиковал **д**, которых в «Руслане», «Кавказском пленнике», «Бахчисарайском фонтане», «Медном всаднике» было больше половины. Постепенно доля **к** в эпосе увеличивалась, в значительной степени – под влиянием разговорного драматического стиха (см.: [17:182–183]). На этом фоне высокий показатель **к** в «Книге про бойца», с ее многократно отмеченной исследователями разговорной природой, вполне закономерен. В связи с нашей проблемой здесь еще важно подчеркнуть, что Твардовский, обращаясь к сугубо литературному приему, подключается к общей тенденции эволюции структуры **enj**, которую мы на материале 4-стопноямбических

¹³ В заключительном фрагменте главы «О герое», где появляются четыре катрена разноstopного хоря (Х4343) с чередованием дактилических и мужских рифм (А'бА'б): «Заведет, задует свая / Лихая борода <...>» и в главе «В бане», где **enj** («На околице войны – / В глубине Германии – / Баня! <...>») начинается фрагмент из пяти катренов (Х4343) с рифмовкой аБ'аБ'.

поэм обозначили «как движение от дистантных связей к контактными» [17:178]. В русле общих закономерностей находится также относительно более высокий показатель **d** в типе **c-r** и более низкий – в **d-r** (соответственно: 39,4 % и 16,7 %).

Набор и частотность синтаксических связей описывались с учетом иерархии синтаксических связей, разработанной М.Л.Гаспаровым и Т.В. Скулачевой, и использованием аббревиатуры этих ученых [18:182–190]. В переносах «Василия Теркина» набор (диапазон) синтаксических связей максимально широкий: есть все возможные при **enj** связи – и сверхсильные, и сильные, и средней силы, и слабые. Лидируют сильные связи – обстоятельственные – **Об** («Артиллерия *толково* / *Говорит* – она права...» – с. 288), на долю которых приходится 37,7 %. Вторые и третьи места делят связи с дополнением косвенным – **Дк** («Словно чем-то *виноватый* / *Перед ней*. А что он мог!» – с. 208) и предикативные – **Пр** («Немец стукнул так, *что челюсть* / Будто вправо *подалась*.» – с. 255), частотность которых – соответственно – 15,0 и 13,2 %. Лидерство **Об** является свидетельством подключения «Книги про бойца» к традиции стиха русской поэмы, начатой «Русланом и Людмилой», где связи **Об** составляли 43,4%. В дальнейшем **Об** в пределах 30(±5)% лидировали практически во всех поэмах Пушкина и многих поэмах Лермонтова, Баратынского, Некрасова. Одновременно следует отметить отличие **enj** Твардовского от **enj** Пушкина и его последователей. У Пушкина **Об** лидировалт вместе с **Пр**, которые отставали от лидера менее чем на 10 %. В «Василии Теркине» **Пр** меньше **Об** в два с лишним раза. За счет сокращения **Пр** в «Книге про бойца» увеличились показатели периферийных связей; особенно впечатляют четыре случая (1,8 %) **Пч** – редких в русской поэзии подчинительных связей («...Грел дыханьем. *Не беда*, /Что в глаза его, быть может, / Не увидит никогда...» – с. 232) и 5,9 % **Св** – сверхсильных связей («Говорят: орел, так *надо* / *И глядеть* и быть орлом.» – с.279). Среди последних в плане нашей проблемы следует

обратить особое внимание на разрыв при **enj** имени и фамилии («По снегам идет *Василий* / *Теркин*. Немца бить идет» – глава «Два солдата».) Это – выразительный прием, имеющий литературную традицию¹⁴.

Итак, если литературная традиция, рассмотренная через призму **enj**, очевидна, то возникает вопрос, поставленный в заглавии нашей статьи: каково соотношение литературной и фольклорной традиций? К решению этого вопроса нас привело рассмотрение функций переносов. При существовании нескольких подходов к их анализу стиховеды едины в признании одной функции: увеличение числа внутрестиховых пауз приводит к дополнительному маркированию слов и словосочетаний, попадающих в перенос. Имея в виду эту функцию **enj**, мы посчитали целесообразным рассмотреть словарный состав слов, попавших в перенос. Учитывались: а) перенесенные слова в случаях **r** (« – Вот сейчас он с *разворота* / *И начнет*. И жизни даст.»); б) оставленные слова в случаях **c-r** («Отпляшишь, *а там сторонкой* / *Удаляйся* в березняк <...>»); в) оставленные и перенесенные слова в случаях **d-r** («То весной, *друзья, от этой* / *Подлой штуки* – душу рвет.») – все примеры из главы «Кто стрелял?». Однако, поскольку, согласно выводам израильского стиховеда Х. Голомба [20:163], при переносах напрягаются обе строки (и та, которая вытаскивает часть фразы, и та, которая принимает ее), мы при **enj** учитывали лексику двух строк.

Словарный состав «переносных» слов мы классифицировали, руководствуясь пометами в «Словаре русского языка в четырех томах» под ред. А.П. Евгеньевой [19]. Оказалось, что три четверти переносов (75,9 %) имеет наполнение словами, не имеющими в словаре стилистических помет, т. е. являющимися стилистически нейтральными. Этот статистический результат может быть интерпретирован как следствие литературной традиции: стилистически нейтральной лексике переносы придуют необходимую экспрессию. «Четкий след его *прервался* / *На снегу...*; <...> *Со стариками* / Не всегда мы так *добры*» («В наступлении»). Особо отмечаем присутствие в нейтральных

¹⁴ Ср переносы: «Тот самый, что в Москве графиня *Катерина* / *Петровна* вздумала так важно утопить <...>» – Жуковский. «Графине С.А.Самойловой», 1819; «<...> Ни о дворе (хоть при дворе жила/ Ее сестра двоюродная. *Вера* / *Ивановна*, супруга гофшурьера.» – Пушкин. «Домик в Коломне», 1830, и др.

пластах лексики слов, отражающих реалии военного времени. Это – обозначения военных орудий («Хуже, брат, как минометный / Вдруг начнется сабантуй» – «На привале»), рода войск («Где вода была пехоте / По колёно. <...>» – «Бой в болоте»), воинских званий («Словом – дальше. Генералу / Показалось под конец <...>» – «Генерал»), воинских подразделений («Что страна! Хотя бы рота / Видеть издали могла <...>» – «Поединок»), документов военнослужащих («Кто там, что: без аттестата / Признают нас или нет?» – «От автора» и др. В поэме, посвященной Великой Отечественной войне, предсказуемо слово «война» попадает в переносы разных типов («О войне – оно понятно, / Что война. <...>» – с. 263; «И, однако, на войне / Первый ряд – пехоте. – с. 208. См. также пример при описании д словоразделов).

В плане интересующей нас народно-поэтической (фольклорной) традиции внимание заслуживают переносы, в которых функционируют слова, имеющие стилистические пометы. Таких переносов выявлено 53. В них оказались слова со стилистическими пометами трех видов: *прост.* – просторечное, *разг.* – разговорное, \diamond – фразеология. Переносов, имеющих в структуре просторечные слова, в «Книге про бойца» 10: «И поднялся незадетый / Цельный. <...>» («Теркин ранен»); «Вот теперь, когда я орден / Нацеплю, скажу я: врешь!» («О герое»); «Тут состроил Теркин рожу / И привстал <...>» («Бой в болоте»); «Припечатать так, чтоб сразу / Каблуку тому – каюк» («Гармонь») и др. Переносов со словами разговорного стиля оказалось 27: «Бомба – дура. Попадет / Сдуру прямо в точку. («О войне»); « – Погоди. Резон почище / Я найду. – <...>» («Смерть и воин»); «Полагаю, генерал / Как-никак уважит <...>» («Теркин пишет»); «Милый лес, где я мальчонкой / Плел из веток шалаша» («О себе») и др. Слова с пометой «фразеология» функционируют в 16 переносах. В этих переносах две группы. В первой – слова с устойчивыми оборотами: «<...> Я как раз / Не бывал на фронте.» («На привале»); «И держал его в обнимку / Хлопец – <...>» («Теркин ранен»); «<...> И жизни жалко / До

зарезу <...>» («Кто стрелял?»); «Примостясь кой-как друг к дружке / Отдохнуть. <...>» («Отдых Теркина»). Во второй группе – лексические идиомы. Перенос разрывает срощенные слова неразложимого выражения и тем самым актуализирует первоначальный смысл слов, за счет чего создается комический эффект: «А старик как будто ухом / По привычке не ведет» («Два солдата»); «Видеть, знать, что каждый встречный – / Поперечный – это свой.» («Поединок»). В этот ряд можно поставить фразеологический оборот «Одна нога здесь, (а) другая там» в значении «очень быстро бегать» [19, т. 2:506], который у Твардовского является в деформированном виде: «Слышит: – Теркин, к генералу / На одной давай ноге.» («Генерал»).

Как известно, в словарных статьях к одному слову может быть несколько помет. В рассмотренном материале среди разговорной и просторечной лексики есть слова с дополнительной пометой «устар.» – устаревшее: «И о чем, друзья, покамест / Все равно – всего нельзя...» («От автора»); «Теркин? Кто такой? А ныне / Теркин – кто такой? – спроси.» («От автора»); «А деревню-то, примерно, / Вот берем – не отдаст.» («Бой в болоте»); «Все по правде, что служивый / Достоверный сирота» («Про солдата-сироту»). В ряде случаев словообороты, вышедшие из активного словоупотребления, требуют помощи словаря: «И своей ручонкой белой / обкололась¹⁵: был небрит» («О потере»); «В ключья шкуру – Теркин чуру¹⁶ / Не попросит. <...>» («Поединок»). Эти и другие слова, благодаря переносу, привлекают особое внимание, заставляют читателя вместе с языком Твардовского окунуться в толщу народной жизни.

В заключение отметим, что в «Книге про бойца» есть немало слов с пометой «высок.» – высокого стиля (година, воин, гласит, брести), но эти и другие поэтизмы у Твардовского в переносы не попадают. Это – дополнительный аргумент в пользу нашего вывода о том, что в «Василии Теркине» стихотворные переносы имеют в своей структуре народную разговорную лексику, что обнажает один из механизмов

¹⁵ Обколиться – разг. причинить себе много укулов, уколоться во многих местах [19, т. 2:535].

¹⁶ Чур – разг. восклицание, означающее требование соблности какой-либо уговор, какое-либо условие [19, т. 4:694].

Список литературы:

- 1 Выходцев П.С. А.Т.Твардовский: семинарий. – Л., 1960. – 251с.
- 2 Выходцев П.С. А.Т.Твардовский и народная художественная культура («Василий Теркин») // Творчество Александра Твардовского: исследования и материалы. – Л., 1989. – С.5-42.
- 3 Куприяновский П.В., Шамес П.Е. Русская советская литература периода Отечественной войны: семинарий. – М., 1963. – 379с.
- 4 Рошин П.Ф. Александр Твардовский. – М., 1966. – 175с.
- 5 Кондратович А.И. Александр Твардовский: поэзия и личность. – М., 1978. – 350с.
- 6 Сидельников В.М. Писатель и народная поэзия. – М., 1980. – 175с.
- 7 Македонов А.В. Творческий путь Твардовского: дома и дороги. – М., 1981. – 367с.
- 8 Гришунин А.Л. «Василий Теркин» Александра Твардовского. – М., 1987. – 143с.
- 9 Гришунин А.Л. Живая душа // Твардовский. Стихотворения. Поэмы. Проза. – М., 2004. – С.5-7.
- 10 Буртин Ю. Из наблюдений над стихом А.Твардовского // Вопросы литературы, 1960. №6. – С. 177-200.
- 11 Матяш С.А. Стихотворный перенос: к проблеме взаимодействия ритма и синтаксиса // Русский стих: в честь 60-летия М.Л.Гаспарова. – М., 1996. – С. 189-202..
- 12 Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 4-х томах. Т.2. – М., 1959. – 375с.
- 13 Жирмунский В.М. Теория стиха. – Л., 1975. – С.433-536.
- 14 Тимофеев Л.И. Очерки теории и истории русского стиха. – М., 1958. – 415с.
- 15 Бокушева Г.А. Стихотворный перенос (на материале поэзии Н.А.Некрасова) / дис. ... канд. филол. наук. – Караганда, 2001. – 158с.
- 16 Матяш С.А. Новый аргумент в старой проблеме (к вопросу о национальных истоках реформы русского стихосложения) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2003, №4. – С. 4-6.
- 17 Матяш С.А. К истории и типологии стихотворного переноса // Славянский стих: лингвистическая и прикладная поэтика. – М., 2001. – С. 172-186.
- 18 Гаспаров М.Л., Скулачева Т.В. Статьи о лингвистике стиха. М.: 2004. – С. 182-190.
- 19 Словарь русского языка: В 4-х т. / под ред. А.П.Евгеньевой. – 2-е изд. – М. Т.1, 1981. – 698с.; Т.2, 1983. – 736с.; Т.3, 1984. – 749с.; Т.4. – 1984. – 794с.
- 20 Golomb H. Enjambement in Poetry: Language and verse in Interaction. The Portev Institute for Poetics and Semiotics Tel Aviv University, 1979. P.150-179.

Сведения об авторе:

Матяш Светлана Алексеевна, профессор кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка факультета филологии и журналистики Оренбургского государственного университета, доктор филологических наук

460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, e-mail: kklksb@yandex.ru